

Новая невестка входит в дом, подносит чай старшим, а те в ответ должны дать «плату за смену обращения».

Таков обычай, спору нет.

Однако это вы нас заставили пить чай, а не мы сами того желали!

У Старого хрыча и Среднего хрыча глаза на лоб полезли.

Суй Чжунь с глубокой скорбью на лице произнёс:

— Не может быть, ну не может же, правда? Выпили чай, а платы за смену обращения нет? Неужели...

Сказав это, он с силой сжал пальцы, и грубая керамическая пиала разлетелась на три части.

У матушки Тун и Тун-второго запульсировало в висках.

Тун-сноха вскрикнула:

— Моя пиала!

Тун Сю вовремя зажала ей рот.

Суй Чжунь продолжил свой спектакль:

— Неужели бабушка и второй дядя до сих пор не желают признать меня внучатой невесткой?

— Признаём, признаём, признаём! — Тун-второй закивал так часто, что даже куры позавидовали бы.

Говоря это, он толкнул матушку Тун локтем:

— Мам, давай деньги, скорее!

Матушка Тун в панике и злости ответила:

— Нет у меня ничего! Кто же идёт устраивать скандал с деньгами в кармане?

— И что теперь делать? — у Тун-второго градом покатился пот. — Ты же видела, какая у него силища, он нас раздавит, как муравьёв. Может, я сбегаю домой возьму?

Но матушка Тун была тёртым калачом и сразу всё поняла:

— Ах ты паршивец, решил бросить мать и сбежать? Не выйдет! Я сама схожу...

Тун-второй прекрасно знал характер своей матушки: жадная и жестокая, если она вернётся домой, то ни за что не расстанется с деньгами, так что ищи её потом свищи:

— Нет, так не пойдёт...

Мать с сыном начали шептаться, устроив разборки прямо на месте.

У Суй Чжуня не было сил ждать, и он вежливо предложил решение:

— Может, второй дядя оставит свою одежду, а бабушка — свою деревянную клюку?

Мать и сын вздрогнули.

Тун-второй плотнее запахнул воротник: это же новая ватная куртка, купленная всего три года назад, на ней ни одной заплатки, он её даже носить жалел!

А у матушки Тун и вовсе потемнело в глазах.

Сорванец, да как он смеет, как он смеет!

Эту клюку из редкого дерева, каких в округе не сыскать, ей подарил третий сын, живущий в городе, — такую вещь и за деньги не купишь!

Оба так опешили от наглости, что лишились дара речи.

Суй Чжунь же остался весьма доволен своим предложением:

— Замечательный выход. Эй, второй дядя, бабушка, чего же вы стоите? Устали? Матушка, помогите им, пожалуйста.

Стоило ему кивнуть, как Тун-сноха тут же рванула вперёд.

Она женщина, ей не пристало стаскивать одежду с деверя, но уж деревянная клюка старухи точно станет её!

— А ну, отдавай сюда!

И вот Тун-сноха уже торжествующе держит клюку.

А Тун Сю, хоть и мал, оказался проворен: он ловко содрал с Тун-второго ватник. Подумав о разбитой на три части пиале, он молча довершил начатое и стянул с него ещё и обувь.

Мать и сына буквально вышвырнули за ворота.

Раздался глухой стук: ворота захлопнулись, оставив их на пронизывающем холоде.

Старый хрыч взвыл:

— Моя клюка!

Средний хрыч задрожал:

— Мой ватник!

На улице лютый мороз, а в доме — тепло и уют.

Сваха, которая ранее получила от Тун-снохи красный конверт, принялась активно нагнетать атмосферу и бесцеремонно толкнула нежного, белокожего Тун Сю прямо на Суй Чжуня.

Оба рухнули на постель.

Зеваки снаружи разразились громким хохотом.

— Ладно-ладно! Брачная ночь всё-таки, не будем мешать молодым!

Сваха с улыбкой вышла из комнаты и с грохотом захлопнула дверь снаружи.

Кто-то начал прогонять остальных зевак от окна, и вскоре ставни тоже закрылись.

Красная свеча, торчавшая в комнате, догорела до конца, огонёк дрогнул и погас.

События развивались слишком стремительно, Суй Чжунь был к такому не готов.

Он прочистил горло, собираясь сказать что-то, чтобы отказаться, но тут тёплые руки коснулись его пояса.

— А...

Хотя в голове Суй Чжуня пронеслось нецензурное ругательство, его перенапряжённое горло смогло выдать лишь хриплый возглас.

Прозвучало это пугающе чувственно.

Обладатель маленьких рук тут же залился краской.

— Нам пора спать, — прошептал он и снова положил руку на пояс штанов Суй Чжуня. — Нужно лечь пораньше, чтобы поскорее зачать дитя...

О небеса!

В этот момент Суй Чжунь хотел умереть.

Какое дитя, какое зачатие, как это вообще происходит, кто собирается рожать?!

Убери руки от моих штанов, я ведь стопроцентный натурал!

Он отчаянно вытаращил глаза, пытаясь напугать того своим взглядом.

Парнишке ведь всего лет пятнадцать-шестнадцать, по современным меркам — обычный школьник.

Выглядит таким хрупким, белым и мягким, а ведёт себя так дерзко — просто уму непостижимо!

Но людские радости и горести не всегда понятны другим. Хотя парнишка и покраснел до корней волос, это ничуть не замедлило его действий: он раздевал Суй Чжуня быстрее, чем очищал початок кукурузы.

— Матушка говорила, с детьми тянуть нельзя. Тебе уже двадцать четыре или двадцать пять, метка девственности на груди совсем побледнела. Ещё пара лет — и можно не успеть, надо поторопиться...

Суй Чжунь подавился воздухом.

Метка девственности, опять эта метка! Всё из-за этой проклятой отметины он оказался в такой ситуации!

В эту эпоху у мужчин на груди бывает ярко-красное пятно — метка девственности.

Мужчина с такой меткой может рожать детей и выходить замуж.

Почему же в семье Тун не выдали замуж Тун Сю? Да потому, что у него этой метки нет. Он — мужчина до мозга костей.

А вот у Суй Чжуня...

Суй Чжунь готов был ударить себя кулаком.

Как же он жалел!

В прошлой жизни он всю свою энергию тратил на учёбу: сидел за учебниками, лежал с учебниками, во сне учил учебники, и в итоге достиг веса в 190 килограммов при росте 190 сантиметров.

Каждый медосмотр врач напоминал о высоком уровне холестерина, но он не обращал внимания.

Знал бы он, что избыток холестерина приведёт к появлению красного пятна на груди!

А это пятно в этой эпохе называют меткой девственности, означающей, что мужчина способен рожать.

Да он бы в прошлой жизни землю рыл, чтобы похудеть!

Ожирение — зло!

Да и интеллект у этих древних людей хромает: с чего они взяли, что это метка? Может, это вообще не то, за что они принимают?

— Нет... — с трудом попытался остановить его Суй Чжунь.

Парнишка внезапно понял:

— Ах, нельзя, тебя нельзя оставлять голым.

Суй Чжунь в душе яростно закивал.

Но тут же с ужасом увидел, как парнишка в два счёта скинул с себя всю одежду.

— Тогда я тоже должен раздеться! — заявил он.

Суй Чжунь остолбенел.

Белое тело, словно рыба, скользнуло под одеяло и крепко прижалось к такому же голому Суй Чжуню.

Несмотря на холод ранней весны, от их тел исходил жар.

Алые губки вытянулись:

— Давай, заделаем пухлого малыша!

Суй Чжунь из последних сил дёрнулся в сторону.

Парнишка промахнулся мимо губ, потерял равновесие и беспомощно навалился на него.

Затем две горячие, мягкие и влажные точки коснулись его кадыка.

Сердца обоих забились как бешеные.

Суй Чжунь хотел плакать:

Всё кончено, я осквернён!

А парнишка, смущённо пискнув, перевернулся и прижал его к кровати.

Суй Чжунь в панике метался:

Не может быть, нет, только не это!

Весь мой рост в метр девяносто и суровая мужская стать...

Неужели сегодня меня, такого статного парня, уложит этот белый, нежный и тонкий мальчишка...

<http://bllate.org/book/19375/1893799>